Н.П. Космарская

КАКОЙ ВИДИТ РОССИЮ МОЛОДЕЖЬ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН? МНЕНИЯ СТУДЕНТОВ КАЗАХСТАНА*

***Аннотация.** В статье анализируется восприятие России особой группой казахстанского общества – студенческой молодежью, из которой будут рекрутироваться новые элиты. По мнению автора, при изучении восприятия различных стран на микроуровне важным дополнением к массовым опросам могут служить качественные методы, в частности фокус-группы. При их использовании, в ходе свободного общения с информантами, интересующие исследователей сюжеты раскрываются сквозь призму биографической истории, культурной и семейной памяти людей; их жизненных стратегий и личного опыта. Именно апеллирование к личному опыту дало возможность исследователям снизить воздействие на мнения студентов публичных дискурсов, транслируемых СМИ и социальными сетями.*

Представлены результаты дискуссий на десяти фокус-группах, проведенных в октябре 2016 г. и мае 2017 г. со студентами различных вузов Алма-Аты. Обсуждались следующие сюжеты: 1) впечатления от пребывания / проживания в России; 2) ситуация вокруг русского языка в Казахстане: оценка его настоящей и будущей роли; 3) отношение ко Дню Победы, наличие / отсутствие личной сопричастности этой исторической дате.

Дискуссии со студентами свидетельствуют о сохраняющемся пространстве культурно-языковой и ментальной общности Казахстана и России – пространстве, которое пока еще охватывает и молодые поколения. Рабочая гипотеза о том, что в условиях многовекторности геополитического курса Казахстана возможны существенные разрывы в мировосприятии казахской молодежи и более старших поколений (в том числе и касающиеся отношения к России), не получила обоснованного подтверждения. Показаны эмоциональные и рациональные факторы, способствующие сохранению общности (семейная память, инструментальная роль русского языка). В статье рассматриваются также причины появления «зон отчуждения» в восприятии России и способы их преодоления.

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН I. 24 «Культурно-сложные общества: понимание и управление» (проект «Культурно-сложные общества на Кавказе и в Центральной Азии», 2018–2020). Исследование в Казахстане проведено при поддержке РГНФ-РФФИ, грант № 16-21-19003/17-ОГОН.

Ключевые слова: отношение к России в Центральной Азии; молодежь постсоветских стран; студенты Казахстана; русский язык в Казахстане; память о войне и практики коммеморации; личный опыт пребывания в России; качественные методы.

Космарская Наталья Петровна – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии
и Кавказа Института востоковедения РАН, Россия, Москва.
E-mail: kosmarskis@gmail.com
Scopus Author ID: 7801569543;
Web of Science Researcher ID: T-1264-2017

N.P. Kosmarskaya. How Russia is Perceived by the Youth of Post-Soviet Countries? The Attitudes of Kazakhstani Students

Abstract. *The article deals with the attitudes of Kazakhstani students towards Russia, this specific socio-demographic group being important due to the fact that, in time, new elites would be recruited from it. In author's view, qualitative methods, such as work in focus groups, can be an important addition to mass surveys of population samples, informing the researcher about perceptions of different countries at the micro-level. In the course of free communication with informants, meaningful data could be obtained from cultural and family memory of people, their life strategies and personal experience. It is precisely the appeal to personal experience that allows the researcher to counter-balance the impact of the media and social networks on student's views and attitudes.*

The article presents the results of discussions in ten focus groups held in October 2016 and May 2017 with the students from various universities in Almaty. Discussed were the following topics: 1) impressions from staying / residence in Russia; 2) the situation around the Russian language in Kazakhstan, assessment of its present and future role; 3) attitude to the Victory Day, the presence / absence of personal involvement with this historical date.

As the obtained results testify, there still exist a great deal of cultural-linguistic and psychological affinity between residents of Kazakhstan and Russia. The hypothesis that under the conditions of the multi-vector geopolitical course of Kazakhstan, there may be significant gaps in the worldviews of the Kazakhstani youth and older generations (including those related to attitudes towards Russia), has not been confirmed. Identified are emotional and rational factors conducive to the maintenance of the affinity with Russia (transmission of historical memory through generations, the instrumental role of the Russian language); also described are the causes of intermittent hostility towards Russia and the relevant ways to mitigate it.

Keywords: *Perception of Russia in Central Asia; the youth of post-Soviet countries; Kazakhstani students; Russian language in Kazakhstan; memory about war and practices of commemoration; personal experience of staying / living in Russian; qualitative methods.*

Kosmarskaya Natalya Petrovna – Candidate of Economics,
Senior Researcher, Center for Central Eurasian Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Russia, Moscow. E-mail: kosmarskis@gmail.com
Scopus Author ID: 7801569543;
Web of Science Researcher ID: T-1264-2017

Научная и практически-политическая значимость изучения отношения к России в различных регионах мира, в первую очередь в зонах ее стратегических интересов, куда входит Центральная Азия и, в частности, Республика Казахстан (РК), многократно возросла в последние годы, отмеченные российско-западным геополитическим и экономическим противостоянием.

По мнению М. Ларюэль и Д. Ройса, попытки изучить отношение к ведущим мировым державам в стратегически важном для них Центрально-Азиатском регионе уже предпринимались, однако упор делался на позиции разных групп элит, а не рядовых граждан [Laruelle, Royce 2019, с. 197, 198]. Опираясь на регулярные массовые опросы (2012–2017) Евразийского банка развития (ЕАБР) и серию ежегодных опросов фонда Гэллага об отношении жителей разных стран к политическим лидерам ведущих государств (2006–2017), Ларюэль и Ройс проанализировали мнения казахстанцев о России и США.

Практически по всем позициям Россия значительно опережает США в качестве предпочитаемого для жителей Казахстана политического партнера, поставщика товаров, услуг, культурных продуктов, инвестиций, как место для временного трудоустройства, учебы, для переезда на ПМЖ и пр. [Laruelle, Royce 2019, с. 200–202]. Еще значительнее разрыв по показателям оценки политического руководства (по данным Гэллага). Так, в 2017 г. одобряли деятельность властей США и России 24 и 69% опрошенных казахстанцев; относились с неодобрением 41 и 9%; затруднились с ответом 35 и 21% [Laruelle, Royce 2019, с. 199–200]. Однако авторы статьи не объясняют причины этих различий в оценках двух стран; аналитическая часть их работы посвящена в основном тестированию факторов, теоретически способных повлиять на позиции респондентов (возраст, этническая принадлежность, доступ к различным видам СМИ).

На наш взгляд, при изучении восприятия различных стран на микроуровне важным дополнением к массовым опросам могут служить качественные методы, обладающие значительным объяснительным потенциалом. При их использовании, во время свободного общения с информантами, интересующие исследователей сюжеты раскрываются сквозь призму биографической истории, культурной и семейной памяти людей; их жизненных стратегий и личного опыта (в нашем случае – общения с россиянами, пребывания, проживания в России в (пост)советское время).

Именно такое исследование отношения к России в Казахстане с помощью «мягких» методов было предпринято автором совместно с И. Савиным в 2016–2017 гг. в рамках международного проекта «Образы России в Евразии: память, идентичность, конфликты» (программа научного сотрудничества России и ЕС ERA.Net.RUS). В Алма-Ате и Петропавловске (город в Северо-

Казахстанской области) было собрано 50 глубинных (биографических) интервью с обычными жителями и 15 интервью с экспертами.

Цель статьи – анализ восприятия России особой группой казахстанского общества – студенческой молодежью. Опираясь на исследования в странах Восточной Европы, где новые поколения демонстрируют заметный разрыв в ценностях с теми, кто жил при социализме, западные ученые ожидали аналогичных сдвигов в мироощущении молодежи постсоветских стран, в частности Казахстана [Laquelle, Royce 2019, с. 203]. Насколько реальны опасения, что новые поколения элит из числа студенческой молодежи будут в скором будущем определять геополитические и внешнеэкономические ориентиры развития страны не в пользу России?

Для проверки гипотезы автором, совместно с И. Савиным, были проведены десять дискуссий в фокус-группах со студентами различных вузов Алма-Аты (октябрь 2016 г., май 2017 г.). Выбор именно этой части молодежной аудитории определяется тем, что студенчество – динамичная, мобильная часть населения; еще в период учебы мнение этой прослойки значимо для ближайшего окружения, а позднее, когда многие выпускники вузов волеются в элиты всех уровней, занятые в бизнесе, политике, управлении, их возможности влиять на общественное мнение возрастут [Тишков, Бараш, Степанов 2017, с. 81; Есимова, Панарин 2008, с. 53].

В дискуссиях, которые проходили на русском языке, приняли участие студенты «русских потоков» Казахского национального университета (КазНУ); Казахской академии транспорта и коммуникаций; Университета Нархоз; Евразийского технологического университета; Казахско-Британского технологического университета; Университета КИМЭП (в двух последних вузах обучение ведется на английском языке). Поскольку, по нашим наблюдениям, в среднестатистической университетской группе столичных вузов РК доля неказахов примерно соответствует их доле в населении страны (около 20%), участниками фокус-групп оказались в основном казахи (среднее число участников – семь-восемь человек; продолжительность дискуссии – от полутора до двух часов).

Важнейшим источником разного рода сведений о той или иной стране стали средства массовой информации, в первую очередь телевидение, а для молодежи особо важен Интернет и социальные сети. Стараясь учесть и иные факторы, формирующие позицию информантов, а также снизить воздействие на мнение студентов транслируемых СМИ представлений (хотя в полной мере это вряд ли возможно), дискуссии выстраивали таким образом, чтобы большинство обсуждаемых тем апеллировали к альтернативным СМИ источникам знаний о России – это личный опыт самих студентов и их ближайшего окружения, а также история семьи и семейная память.

В статье представлены результаты обсуждения со студентами следующих сюжетов: 1) впечатления от пребывания / проживания в России; 2) ситуация вокруг русского языка в Казахстане: оценка его настоящей и будущей роли; 3) отношение ко Дню Победы, наличие / отсутствие личной сопричастности этой исторической дате. Эти темы были выбраны также потому, что в них изначально заложен заряд дискуссионности.

Исследовательские вопросы были сформулированы нами следующим образом. Есть ли сходство и различия в позициях студентов и остальных казахстанцев (имеются в виду не эксперты, а обычные люди, мнения которых изучались методом глубинных интервью)? Может ли этнический фактор влиять на восприятие России в Казахстане (среди членов изучаемой группы)? Можно ли провести какие-то параллели между мнениями казахстанских и российских студентов – там, где это логически обоснованно – например, когда речь идет о таких сюжетах, как память о войне?

Начнем с краткого описания историко-культурного и социального контекстов, определяющих форматы и масштабы «присутствия» России в повседневной жизни казахстанцев.

**«Россия здесь не присутствует,
Россия здесь просто есть»
Историко-культурный контекст формирования мнений
о России**

В последнем докладе «Интеграционного барометра» ЕАБР говорится о «феноменальной плотности... социальных связей стран ЕАЭС» [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 15]. На наш взгляд, к Казахстану этот вывод относится в наибольшей степени. Как поддерживается и чем проявляет себя эта «связанность» с Россией Казахстана?

Для 81% опрошенных ЕАБР в 2016 и в 2017 гг. граждан Республики Казахстан Россия является наиболее дружественной страной, «на поддержку которой в трудную минуту можно рассчитывать» [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 30]. Из всех стран СНГ, охваченных ежегодными опросами ЕАБР, именно в Казахстане (за ним следует с небольшим отрывом Беларусь) проявляется самый сильный интерес к приглашению артистов, писателей, музыкантов из России, к закупкам и переводам российских книг, кинофильмов, сериалов и пр. (48 и 58% в 2016 и 2017 гг.) [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 74].

Более всего заинтересованы в получении высшего образования в России жители Таджикистана и Киргизии (36 и 29% в 2017 г.), а далее следует Казахстан (24% опрошенных) [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 69]. Однако если речь идет не о предпочтениях, а о реализации конкретных планов

конкретными людьми, то именно граждан Казахстан больше всего среди иностранных студентов на дневных отделениях российских вузов – 39,7 тыс. человек в 2017 г. (на втором месте китайские студенты – 26,8 тыс. человек) [Шкуренко, Егупец 2019]).

Реальные контакты жителей РК с россиянами дополняют картину «плотности социальных связей» между двумя странами. По последнему опросу «Интеграционного барометра» 2017 г., доля респондентов, поддерживающих постоянные связи с друзьями, родственниками и коллегами в России, была наиболее высокой в странах, активно поставляющих в РФ трудовых мигрантов. То же самое относится и к данным о личном опыте посещения других стран с различными целями за последние пять лет. Однако цифры по Казахстану лишь немногим ниже (особенно по частоте посещений России), хотя оттуда в Россию не приезжают временные мигранты в сопоставимых масштабах. Так, 39 и 40% опрошенных в РК отметили в 2016 и 2017 гг., что постоянно общаются с друзьями и родственниками в России, а 26 и 28% побывали там в течение последних пяти лет [Интеграционный барометр ЕАБР 2017, с. 67].

Еще более показательны данные учета пограничных служб России и Казахстана: в 2016 г. на Россию приходилось 47,3% выездного потока из РК. Само количество выезжающих казахстанской стороной оценивалось в 4,61 млн человек [Шкуренко, Егупец 2019].

В 2017 г. из Казахстана в Россию было совершено 3,5 млн поездок, а в обратном направлении – 3,0 млн [Туристические потоки между Россией и Казахстаном 2018]. Эти огромные цифры отражают исторически сложившееся многообразие человеческих контактов через границу России и РК, самую длинную сухопутную границу в мире (около 7,5 тыс. км), а также этнодемографические особенности двух стран. В РК, несмотря на активные миграции 1990-х годов, все еще значительна численность русских (около 3,5 млн человек в 2018 г.), а в России издавна проживают казахи (около 650 тыс. человек).

Многообразные контакты казахстанцев разных национальностей с российскими казахами и россиянами, ранее проживавшими в РК, как раз и составляют основу той плотной сети социальных связей, которая сложилась между двумя странами еще в советское время. Эта сеть одновременно и способствует сохранению прежнего чувства культурно-языковой общности, и во многом существует благодаря сложившейся в советское время схожести культурных кодов и менталитета.

Говоря об историко-культурном контексте формирования мнений о России среди казахстанцев, необходимо учитывать роль российских СМИ, прежде всего телевидения, доминирующего в медийном пространстве РК и, по мнению многих респондентов разных национальностей и разного статуса,

привлекающего зрителей своим качеством. Многочисленные высказывания «обычных людей» придают новые краски данным опросов об интересе к российским культурным продуктам (см. выше) и рейтингам популярности доступных в РК телеканалов [Laguette 2015, с. 327–328, 339]. В интервью неоднократно отмечалась низкая конкурентоспособность местной телепродукции для массового зрителя: «По телевизору что предлагают? Вот такие каналы, вот такие ток-шоу, такие у нас сериалы снимаются глупые, ниже плинтуса, вообще ужасные» (казашка, научный сотрудник, 2016 г.).

Сохраняющийся интерес и/или привычка казахстанцев к просмотру советско-российских фильмов, сериалов и пр. поддерживают, в первую очередь для людей среднего и старшего возраста, существование общих с жителями России культурных кодов; уютный и знакомый мир узнаваемых героев, шуток, метафор, социально (не)одобряемых моделей поведения; узнаваемую стилистику описания и интерпретации различных событий. Посмотрим теперь, как в рассказах студентов отражается описанный историко-культурный контекст формирования мнений о России.

Мнения студентов о России сквозь призму личного опыта

Для студенческой молодежи, подобно информантам более старших возрастных групп, Россия отнюдь не чужое пространство; это страна, у которой немало общего с Казахстаном. Кроме собственных впечатлений о поездках в Россию, у молодежи, вряд ли увлеченной просмотром телепередач или чтением газет, это чувство подпитывается через каналы семейной памяти; зигзаги личных биографий, связанных с советским временем. По наблюдениям А. Есимовой и С. Панарина, позитивная тональность казахстанских СМИ, пишущих о России, воспринималась не читающими газет студентами Чимкента опосредованно, через общение с родителями и другими представителями старшего поколения [Есимова, Панарин 2008, с. 66].

На дискуссиях со студентами Алма-Аты о своих ощущениях общности с Россией молодые люди говорили либо в констатирующем ключе, либо позитивно: «И то, что другая страна, такого ощущения нет. Как-то неделимы Россия, Казахстан; Казахстан, Россия...». Чувство близости с Россией могло актуализироваться при попадании в незнакомую среду: «Моя сестренка со школы – пять человек ездили в Германию; они скучали по дому, ничего казахского не было, и они нашли большое русское кафе и побежали туда, что-то такое родное, близкое...».

Заметно и отличие от интервью с «обычными людьми». У студентов ощущение схожести с Россией, если выйти за пределы представленных выше описаний, менее эмоционально и более рефлексивно: именно студенты много

говорили об общности социально-политических недостатков двух стран, подчеркивая тем самым сходство стоящих перед ними задач. Имеются в виду пассивность населения, неразвитость гражданского общества, политических институтов; недостатки выборной системы и пр.: «У нас почти все проблемы одинаковые – начиная с коррупции до семейно-бытовых». В интервью с казахстанцами (кроме экспертов) такого рода размышления практически отсутствовали.

Содержание и тональность рассуждений студентов на политические темы дополняют результаты инициированного американскими учеными опроса населения РК. Среди целей этого исследования было выяснение возможных различий в политико-идеологических взглядах «советских» поколений и молодежи. Один из главных выводов – «поколение Назарбаева» отличают прагматизм и аполитичность, в частности примиренческая позиция по отношению к распространенным в стране неформальным практикам [Junisbai, Junisbai 2018, с. 8]. Пока трудно сказать, как высказанные участниками фокус-групп мнения, которые можно назвать критикой с большой натяжкой, будут «работать» тогда, когда их носители вырастут, и кто-то из них войдет в узкий круг лиц, принимающих государственные решения.

А вот рассказы студентов о том, «какие в России люди»: как они относятся к казахам, жителям страны в целом (в том числе и к русским) и к Казахстану как к государству, часто были весьма критичными. Причем здесь наблюдается единодушие во мнениях участников фокус-групп, экспертов и городских жителей, с которыми были проведены биографические интервью.

Можно выделить три аспекта темы. Во-первых, отмечалось, что в России недружелюбные люди, в первую очередь в Москве. Во-вторых, говорилось, что «в России много национализма, плохо относятся к людям других национальностей». Наконец, участники вспоминали не просто о недружелюбии россиян, а о том, что они мало интересуются жизнью соседних стран, считают их «младшими», «подчиненными», «каким-то аулом», что ощущается и при личных, и при официальных контактах. Эти отзвуки «советского», сохранившиеся в представлениях россиян о бывших республиках, игравших в прежней иерархии подчиненную роль при доминировании Центра (сейчас эта роль традиционно приписывается России), могут способствовать отчуждению жителей Казахстана.

Этнолингвистические проблемы Казахстана глазами студентов

Дискуссии на фокус-группах в полной мере отразили сложившуюся за годы независимости Казахстана этнолингвистическую ситуацию – если рисовать ее крупными мазками. Это поступательное завоевание государственным

(казахским) языком новых сфер применения, при сохраняющейся (несмотря на постепенное снижение численности русских и других «европейцев») роли русского языка, имеющего законодательно закрепленный статус «языка межнационального общения», в качестве важнейшего инструмента приобщения к мировой культуре, науке, технологиям. Постсоветские переписи фиксируют весьма высокий уровень владения русским среди казахов, в первую очередь горожан¹. Тут будет уместным вспомнить о том, что в силу ряда особенностей имперского освоения территорий, называемых сейчас Центральной Азией, а также специфики «национальной» политики советского времени, русско-титутельный билингвизм (или даже полное русскоязычие) до сих пор очень распространены среди титульных групп, включая элиты (подробнее см., например: [Fierman 2012, Kosmarskaya, Kosmarski 2019]). В первую очередь это относится к Казахстану и Киргизии, где степень русификации была выше из-за кочевого образа жизни тех народов, которых сейчас называют киргизами и казахами, а также из-за отсутствия у них письменности в доимперский период.

Судя по самоописаниям лингвистических навыков и практик, студенты «дружат» с русским языком, широко используют его в учебе для приватного и профессионального общения в университетской среде. Во время дискуссий, однако, выявились и заметные различия в интерпретациях участниками этноязыковых проблем в РК.

Студенты элитных вузов, где учатся за плату в основном жители «южной столицы» из обеспеченных семей и где обучение проходит в том числе и на английском языке, продемонстрировали ярко выраженный прагматизм при обсуждении сюжетов, связанных с нынешней ролью и будущим русского и титульного языков в Казахстане. Именно студенты таких вузов чаще всего говорили о ценности русского как инструмента для решения разнообразных задач аккумуляции знаний и социального продвижения. В похожем инструментальном ключе многими участниками упоминалась и Россия, где, по мнению студентов, лучше развиты наука, образование; много хороших учебников и другой литературы.

С тем же прагматизмом обсуждался казахский язык. Признавалась значимость этого языка «вообще», при одобрении политики массового двуязычия в стране, но при обращении к личным планам улучшить знание казахского языка подчеркивалось, зачем ставились подобные цели. При этом недостаточное знание казахского не сопровождалось, судя по словам участников, какими-либо переживаниями: «Казахский я знаю не очень хорошо.

1. Так, по последней переписи 2009 г., понимали устную русскую речь 92% казахов, свободно писали 83,5, а свободно читали – 79% [Итоги национальной переписи 2011, с. 24].

Я не считаю, что мне должно быть стыдно, что я его не знаю, но я все равно буду изучать казахский – в будущем мне это пригодится».

Квинтэссенция прагматичного подхода к языкам – следующее высказывание студента одного из элитных вузов: «Я даже против изучения казахского языка. Я сам казах, меня с самого детства упрекают, что я не знаю казахский; мне это, честно, надоело. Я смотрю на язык как на средство общения, больше ничего. Это просто инструмент, и русский при занятиях наукой, политикой – более удобный инструмент».

Студенты из регионов, многие из которых обучались за государственный счет (фокус-группы с такими студентами прошли на нескольких факультетах КазНУ), продемонстрировали гораздо меньше прагматизма и больше эмоций. Отмечали, как и остальные участники дискуссий, пользу от знания русского языка, но именно о казахском языке говорили более пространно и эмоционально: «Сейчас очень престижно и, я бы сказала, очень круто знать казахский язык. Именно казахский язык, на самом деле, очень богат в литературном плане, там очень много красивых слов». Кроме радости, связанной с красотой языка, его нынешнее состояние, по мнению этой группы участников, ассоциируется со стыдом, грустью, печалью: «Печалит, что у нас казахи во многом забывают свой родной язык и общаются на русском. Даже в Китае есть тесты: укажите, пожалуйста, народ, который не разговаривает на своем родном языке. Там был правильный ответ – казахи. Это очень печально. Но все-таки я думаю, что русский язык нам нужен и необходим».

В целом выявленные различия в отношении разных категорий студентов к этнолингвистической ситуации в РК демонстрируют значимость социально-статусного фактора, определяющего восприятие России и связанных с ней исторических и культурных явлений. Причем ситуация в студенческой среде воспроизводит похожие социальные разломы среди более старших возрастных групп казахов – различия в первую очередь по социальному статусу (сельские жители versus образованные горожане) (подробнее см.: [Космарская, Савин 2018, с. 190–191; Kosmarskaya, Kosmarski 2019]). Русскоязычие (часто идущее рука об руку со слабым владением казахским языком) является одним из основных маркеров, отличающих «городских» казахов от их сельских соплеменников (наряду с более высоким социальным и образовательным статусом).

Праздновать или скорбеть?

Память о войне и отношение ко Дню Победы

Судя по всем собранным в РК полевым материалам, восприятие Дня Победы в качестве «красного дня календаря» является важнейшим проявлением общности, единения жителей России и Казахстана, где 9 Мая продолжают

отмечать и как государственный праздник, и как дату, затрагивающую сердца людей разных возрастов и национальностей: «Мы говорим о скрепах, условно говоря, между двумя нациями. Безусловно, это Великая Отечественная война» (казах, политолог, 2016 г.). При обсуждении сдвигов в календаре официальных праздников (перенос Дня защитника Отечества с 23 февраля на 7 мая) другой эксперт отметил: «Назарбаев тут старается и так, и так. Он никогда не отменит праздник Победы» (русский, депутат, 2016 г.).

Повторяющейся темой в высказываниях студентов стал сюжет, который можно назвать «Мы сделали это вместе!» Мотив общности со всем населением СССР, победившим фашизм, звучал и в интервью с жителями страны разных возрастов, однако студенты и здесь продемонстрировали более высокий уровень рефлексии и способность к обобщениям, дополнив тем самым обычный рефрен высказываний казахстанцев: «мы помним...», «мы всегда отмечаем» и т.п.

– «В этот день люди забывают о разнице, кто откуда был, кто воевал с нашей стороны, кто с российской; это день, когда все разногласия, которые были между нашими странами, в этот момент это все меркнет».

– «Потому что это наш праздник, в сердцах у всех гордость есть».

Повествования студентов, как и интервью с жителями двух городов РК, четко фиксируют зависимость вызываемых этой памятной датой эмоций и лично окрашенного интереса к прошлому от наличия в семье или среди родственников ныне здравствующего ветерана или людей, которые с ветеранами много общались. Причем у студентов такого рода эмоции были не только положительными. Видимо, общение в семье с ветеранами способствует размышлениям, нередко весьма критическим, об отношении к выжившим участникам войны на государственном уровне: «От культуры моего дома у меня есть уважение к этим ветеранам. Даже больше: я буду относиться ко всем ветеранам так, как к своему родному дедушке и бабушкам, но тот факт, что все происходит очень формально, наигранно, меня это очень угнетает».

В исследованиях идентичности российской молодежи и, в частности, ее отношения к войне и к Дню Победы особо подчеркивается значимость семейной памяти (см., например: [Тишков, Бараш, Степанов 2017, с. 85]). На наш взгляд, в Казахстане механизм трансляции семейных воспоминаний от старших поколений к молодежи действует пока еще эффективнее, чем в России. Во-первых, здесь большую роль играют родственные связи как элемент сохраняющейся коллективистской культуры. Во-вторых, здесь слабее ощущается давление государственной идеологии, ведь в сегодняшней России День Победы – один из главных символов национальной идентичности.

Однако фокус-группы с молодежью уже фиксируют отход от эмоционального к более историческому пониманию связанных с войной событий: «У меня в семье не особо отмечается. Наши ветераны, которые воевали, давно

уже умерли, и такой традиции уже нет... Я этому празднику придаю больше историческое значение, чем эмоциональное». Во многом этот отход связан с утратой эмоциональной сопричастности по демографическим причинам – уход ветеранов и других людей, помнивших войну. С течением времени в этой сфере будет нарастать значимость поколенческих различий. Наши материалы показали, что по мере того как война и связанные с ней события уходят все дальше в историю, у новых поколений казахстанцев возникает желание переосмыслить их; усиливаются, например, сомнения в правомерности ассоциирования с «праздником» событий, сопряженных с огромными человеческими жертвами:

– «Это не праздник, это траур. Полегло столько людей, а они веселятся».

– «Я считаю, что это не праздник. Множество людей умерло, благодаря им мы сейчас живы. Я считаю, нельзя забывать об этом. Мы должны помнить, потому что благодаря этому у нас сейчас есть то, что мы имеем, все благодаря тому, что мы победили. Благодаря этой войне произошел прогресс, можно сказать, появились технологии».

Эти высказывания говорят о том, что по меньшей мере в рядах одной из социально-демографических групп Казахстана, причем весьма продвинутой с точки зрения интеллектуального развития и социального статуса, зреет стремление к переоценке коллективных мифологий, связанных с войной. Пока трудно сказать, в какой степени эти настроения распространены в республике в целом. А в России, также проходящей через естественную смену поколений, достаточно активно ведутся дискуссии о том, как преодолеть сложный переходный период, связанный с неизбежным угасанием «огня живой причастности», и «превратить Великую Победу из мифа коллективной памяти в предмет объективного исторического знания» (см., например: [Денисенко 2019]).

«Идущие против течения» размышления казахстанских студентов опять же можно интерпретировать как проявление общности с Россией – в том смысле, что исследования позиций российской молодежи свидетельствуют о наличии тренда к переосмыслению истории войны и практик коммеморации в аналогичном направлении. Так, по результатам общероссийского опроса студентов, охватившего 45 вузов (2015), для 8,2% респондентов День Победы был «просто выходным днем»; 42,3 – считали этот день «праздником», а для почти половины (49,5%) 9 Мая – «день памяти о родных, прошедших войну» [Инкижинова, Муратова 2016, с. 126]; см. также: [Лашук 2015].

Интересен и следующий момент – общение с казахстанскими студентами в большей мере отразило российские, нежели внутриказахстанские общественные дискуссии о войне и о том, чему она может научить современные поколения. Трактовки связанных с войной сюжетов, популярные в кругах так называемых национал-патриотов (в Казахстане и в Центральной Азии в целом) звучали при общении со студентами очень редко. Речь идет, в частности,

не о консолидирующих мнениях, доминирующих в дискуссиях на фокус-группах, а о разъединяющих: «мы тоже воевали, а русские этого не ценят»; «это не только русские победили»; о попытках заместить нарратив борьбы против фашизма нарративом борьбы за независимость.

Итак, позиции казахстанских студентов по политически чувствительным сюжетам, связанным с войной, сближены с настроениями (альтернативными официальным трактовкам), заметными в среде российского студенчества. Дискуссии на фокус-группах отразили скептицизм, неприятие патриотического официоза; стремление к осмыслению войны с точки зрения цены, которой была оплачена победа над фашизмом, и того позитивного, что она принесла стране и человеческой цивилизации. Подобные настроения, видимо, связаны с присутствием в РК российских СМИ, с включенностью молодежи в русскоязычные интернациональные социальные сети, где активно обсуждаются острые темы, а также с естественным демографическим замещением поколений в двух странах со сходными социально-политическими условиями.

Вместо заключения

Результаты фокус-групп с казахскими студентами свидетельствуют о сохраняющемся пространстве историко-культурной, языковой, ментальной общности двух стран – пространстве, которое пока еще охватывает и молодые поколения, из которых будут рекрутироваться новые элиты. Рабочая гипотеза о том, что в условиях многовекторности геополитического курса Республики Казахстан возможны существенные разрывы в мировосприятии казахской молодежи и более старших поколений (в том числе и касающиеся отношения к России), не получила обоснованного подтверждения. Исследование мнений студентов не выявило также заметных этнических различий в их трактовках тех или иных связанных с Россией социально-политических и культурно-языковых проблем.

К аналогичным выводам (о слабой значимости возраста и этнической принадлежности) пришли М. Ларюэль и Д. Ройс. На основе регрессионного анализа данных опросов авторы делают следующий вывод: «Очень немногие молодые казахстанцы считают США или Запад примером для подражания, которому должна следовать их страна... Несмотря на то, что их социализация пришлась уже на постсоветские годы и на тот факт, что численность русских в стране постепенно сокращается, молодые жители страны не в меньшей степени, чем их старшее окружение, благоволят к России, и не в меньшей степени желают иметь с ней более тесные отношения» [Laruelle, Royce 2019, с. 203, 207].

Объясняя свои результаты анализа позиций казахстанской молодежи, М. Ларюэль и Д. Ройс успешно преодолевают упрощенную схему, рисующую

геополитические симпатии казахстанцев как ориентацию молодежи на «прогрессивный Запад», а старших поколений – на «отсталую Россию». Так, ссылаясь на международный опыт молодежных движений, а также на сложность и противоречивость тех процессов, которые обычно формируют политические взгляды людей, они напоминают, что молодежь может выступать ниспровергателем общественного статус-кво как во имя либеральных, так и противоположных либеральным ценностей [Laguette, Royce, с. 206].

Однако эти авторы не видят главного обстоятельства, определяющего позиции казахстанской молодежи и представителей других поколений по отношению к России (и на этом фоне – к США). Речь идет о рассмотренной в нашей статье схожести двух стран в политико-экономической, историко-культурной, языковой и ментальной сферах, которую продемонстрировали студенты и другие информанты. Это все то, что продолжает нас объединять – через преемственность советского и постсоветского опыта, с их во многом общими достижениями и пороками; через русскоязычное культурно-языковое пространство, охватывающее, хотя и в разной степени, обе страны, взаимные поездки с многообразными целями сотен тысяч жителей России и Казахстана; потоки товаров и услуг, информационный и культурный обмен; через незримые связи в виде семейной памяти, ностальгии, виртуального общения; наконец, через схожие культурные коды и общность пережитого.

На этом фоне, на наш взгляд, не вполне корректной выглядит сама предпринятая М. Ларюэль и Д. Ройсом попытка поставить рядом Россию и США и сравнить отношение к ним в Казахстане как к двум якобы равновесным по отношению к РК «иностранным державам» (external powers). Подобным образом было бы логичнее сравнивать мнение казахстанцев о таких равноудаленных от их страны объектах, как США и Евросоюз, США и Индия, и т.п.

Для казахстанцев Россия – это фактически часть (бывшего) целого, объединяющего две страны исторически, экономически, культурно. В распоряжении жителей страны разнообразные источники информации о происходящем в России (причем без языкового барьера), включая массово потребляемую продукцию российских телеканалов и опыт пребывания / проживания там для значительной части населения, тогда как США – это один из важных контрагентов РК в сфере внешней политики, а на обывательском уровне – «далекая мечта»; страна, знания о которой во многом основаны на мифологии и стереотипах. Поэтому демонстрируемый М. Ларюэль и Д. Ройсом разрыв в цифрах, на наш взгляд, вполне ожидаем и фактически запрограммирован все еще сохраняющейся общностью России и Казахстана.

Дискуссия о языках выявила фактор, который, в отличие от возраста и этнической принадлежности, определяет заметную разницу в позициях студентов. Речь идет о социальном статусе. Похожие социальные разломы в отношении к русскому языку и культуре существуют и среди более старших

возрастных групп казахов – сельские жители vs образованные городские старожилы. В связи с этим нужно подчеркнуть, что наша работа была сфокусирована именно на студентах и, шире, в рамках программы углубленного интервьюирования – на горожанах, в том числе молодых, а изучение взглядов сельской казахоязычной молодежи не являлось нашей целью и требует новых исследовательских подходов.

При обсуждении сюжетов, обладающих высокой актуальностью и в самой России – темы войны и военной памяти, казахстанские студенты обнаружили свою включенность именно в российский дискурс, а также близость к позиции российских студентов, оппонирующей официальным трактовкам.

В целом можно заключить, что существует немалый и пока слабо используемый Россией потенциал сохранения и укрепления того многообразного, питаемого как эмоциями, так и взвешенным прагматизмом чувства общности с нашей страной, которое продемонстрировала наиболее продвинутая, городская молодежь Казахстана в лице студентов вузов. В какой мере это обстоятельство осознается в России? Много ли делается в этом направлении?

Важным шагом могло бы стать резкое расширение новых образовательных возможностей для молодежи Казахстана, причем разных национальностей; привлечение квалифицированных молодых специалистов для работы в нашей стране и пр. Однако сами по себе эти и подобные меры не будут, на наш взгляд, эффективными, пока в головах многих россиян сохраняется негативно-снисходительное восприятие стран Центральной Азии и их жителей, воспроизводящее прежнюю иерархичность в положении союзных республик (на фоне проблемы ксенофобии, об этом пишут редко). Отсюда отсутствие интереса россиян «к далеким и неведомым странам»; слабая информированность об их истории и культуре, о современных проблемах и достижениях.

В самом Казахстане описанная ситуация давно вызывает беспокойство. Еще 15 лет назад авторы одной из статей в «Казахстанской правде» отмечали: «Участившиеся сетования казахстанских политологов на то, что в России уровень информированности населения о нашей стране неуклонно снижался все постсоветские годы и сейчас приближается к критической черте, явно не лишены оснований» [Бочкарева, Есимова, Замятин 2005, с. 41]. Авторы статьи, из которой взята цитата, выявили в ходе своего исследования «информационную асимметричность образов» соседних стран, сложившихся у опрошенных ими студентов России и Казахстана. Ученые объяснили подобную асимметрию различиями «внешнеполитических стратегий России и Казахстана... В России последние 15 лет налицо явно прозападная ориентация, что, естественно, способствует размыванию образов центральноазиатских государств у молодых российских граждан» [Бочкарева, Есимова, Замятин 2005, с. 46].

С тех пор как был сделан этот вывод, немало воды утекло и очень многое изменилось в России, а также в мире вокруг нее и в связи с ней. Однако

описанный настрой россиян по отношению к Казахстану и его жителям, судя по собранным нами материалам, в своих основных чертах остался прежним. Вот лишь один красноречивый пример, который, подобно капле океанской воды, дает, на наш взгляд, полное представление об «океане» в целом. «Героями» здесь выступают преподаватели вуза, а ведь они учат и воспитывают молодежь, с которой будут общаться, в том числе и выходцы из Казахстана и других стран ЦА в случае приезда в Россию. Читаем статью о миграционных намерениях обучающихся здесь студентов из стран СНГ [Зангиева, Сулейманова 2016]. Авторы с помощью статистических операций доказывают, что русские студенты с большей вероятностью останутся в России, чем представители «коренных национальностей» из этих стран. Отсюда вывод, что государственные деньги лучше выделять на обучение русских из постсоветских стран, чем казахов, киргизов, молдаван, армян и пр., которые потом все равно покинут Россию [Зангиева, Сулейманова 2016, с. 139, 143]. Лучше для кого? Какие благие цели могут быть этим достигнуты?

Авторы не понимают, что получившие образование в России представители разных этнических групп из постсоветских стран самим фактом своего возвращения на родину укрепят все еще связывающую эти страны с Россией культурно-языковую полифонию, то пространство ментальной общности, о котором много говорили наши информанты в Казахстане. А это в любом случае будет помогать взаимопониманию, развитию полезных контактов как на уровне (будущих) элит, так и обычных людей. Однако авторы мыслят другими, автономистскими категориями. Так, они далее заявляют в своей статье, что поскольку многие представители титульных групп не считают русский язык родным, им будет трудно учиться в России – «на иностранном языке в чужой стране» [Зангиева, Сулейманова 2016, с. 137].

Если преподаватели с подобными взглядами и с подобными «знаниями» об истории, культуре постсоветских стран, о живущих там людях будут воспитывать студентов в аналогичном духе в ведущих российских вузах (куда, кстати, стремятся многие абитуриенты из Центральной Азии, чтобы услышать, что Россия для них – «чужая страна»), а выступая в роли экспертов будут формировать взгляды принимающих решения чиновников, то прагматично-доброжелательное отношение к России, которое пока сохраняется у молодежи страны, выступающей нашим главным стратегическим партнером в Центральной Азии, вряд ли сохранится надолго.

Библиография

Бочкарева И., Есимова А., Замятин Д. Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 30–47.

Денисенко К. Война как историческая данность // Эксперт. 2019. 29 апреля. URL: <https://expert.ru/expert/2019/18/vojna-kak-istoricheskaya-dannost/> (дата обращения: 25.08.2019).

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Есимова А., Панарин С. Образ и имидж России в Казахстане // Россия и ЕС в Центральной Азии / Отв. ред. М.Г. Носов. М.: Институт Европы РАН, 2008. С. 40–66.

Зангиева И.К., Сулейманова А.Н. Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 127–146.

Инкижинова С.А., Муратова А.В. Социальная память: российское студенчество и Великая Отечественная война // Известия Иркутской экономической академии. 2016. № 1. С. 123–128.

Интеграционный барометр ЕАБР – 2017. Доклад № 46. СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2017. 108 с.

Итоги национальной переписи Республики Казахстан 2009 г. Аналитический отчет. Астана: Статистический комитет РК, 2011. 65 с.

Космарская Н.П., Савин И.С. Что думают казахстанцы об отношениях с «северным соседом»? // Центральная Евразия. 2018. № 1. С. 175–195.

Лашук И.В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия // Социологический альманах. Вып. 6. Минск: Институт социологии НАН Беларуси, 2015. С. 210–220.

Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81–87.

Туристические потоки между Россией и Казахстаном в 2017 году // Вести. Экономика. 2018. 13 ноября. URL: <https://www.vestifinance.ru/infographics/11561> (дата обращения: 10.08.2019).

Шкуренко О., Егупец А. Что Россия и Казахстан значат друг для друга? // Коммерсант. 2019. 20 марта URL: https://www.kommersant.ru/doc/3917333?from=main_spec (дата обращения: 12.05.2019).

Fierman W. Russian in post-Soviet Central Asia: A comparison with the states of the Baltic and South Caucasus // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64. N 6. P. 1077–1100.

Junisbai B., Junisbai A. Are youth different? The Nazarbayev generation and public opinion in Kazakhstan // Problems of Post-Communism. 2018. 25 October. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2018.1520602> (date of access: 25.08.2019). DOI: 10.1080/10758216.2018.1520602

Kosmarskaya N., Kosmarski A. «Russian culture» in Central Asia as a trans-ethnic phenomenon // Global Russian Cultures / Ed. by K. Platt. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2019. P. 69–93.

Laruelle M. In search of Kazakhness: the televisual landscape and screening of nation in Kazakhstan // Demoktizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization. 2015. Vol. 23. N 3. P. 321–340.

Laruelle M., Royce D. Kazakhstani public opinion of the United States and Russia: testing variables of (un)favourability // Central Asian Survey. 2019. Vol. 38. N 2. P. 197–216.

References

Bochkaryova I., Esimova A., Zamyatin D. Obrazy TSentral'noj Azii v Rossii i Rossii v Kazakhstane (analiz otvetov studentov i publikatsij v SMI [Images of Central Asia in Russia and that of Russia in Kazakhstan (analysis of students' responses and media publications)]. Vestnik Evrazii [Acta Eurasica]. 2005. No. 3. P. 30–47. (In Russ.)

Denisenko K. Vojna kak istoricheskaya dannost' [War as a historical fact]. Expert. 2019. 29 April. URL: <https://expert.ru/expert/2019/18/vojna-kak-istoricheskaya-dannost/> (date of access: 25.08.2019). (In Russ.)

Esimova A., Panarin S. Obraz i imidzh Rossii v Kazakhstane [Image and perception of Russia in Kazakhstan]. *Rossiya i ES v TSentral'noj Azii* / otv. red. M.G. Nosov [Russia and EU in Central Asia. Ed. by M.G. Nosov]. Moscow: Institute of European Studies RAN, 2008. P. 40–66. (In Russ.)

Fierman W. Russian in post-Soviet Central Asia: A comparison with the states of the Baltic and South Caucasus. *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100.

Inkizhinova S.A., Muratova A.V. Sotsial'naya pamyat': rossijskoe studenchestvo i Velikaya Otechestvennaya vojna [Social memory: students of Russia and the Great Patriotic War]. *Izvestiya Irkutskoj ekonomicheskoy akademii* [Annals of Irkutsk Economic Academy]. 2016. No. 1. P. 123–128. (In Russ.)

Integratsionnyj barometr EABR – 2017. Doklad № 46 [Integration Barometer EABR – 2017. Report No. 46]. Saint Petersburg: Centre for integration research of the Eurasian Development Bank (EABR), 2017. 108 p. (In Russ.)

Junisbai B., Junisbai A. Are youth different? The Nazarbayev generation and public opinion in Kazakhstan. *Problems of Post-Communism*. 2018. 25 Oct. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10758216.2018.1520602> (date of access: 25.08.2019).

Kosmarskaya N., Kosmarski A. «Russian culture» in Central Asia as a trans-ethnic phenomenon. *Global Russian Cultures*. Ed. by K. Platt. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2019. P. 69–93.

Kosmarskaya N.P., Savin I.S. Chto dumayut kazakhstantsy ob otnosheniyakh s «severnym sosedom»? [Kazakhstanis' views on their relationships with the «Northern neighbor»]. *Tsentral'naya Evraziya* [Central Eurasian Studies]. 2018. No. 1. P. 175–195. (In Russ.)

Laruelle M. In search of Kazakhness: the televisual landscape and screening of nation in Kazakhstan. *Demokratizatsiya: the Journal of Post-Soviet Democratization*. 2015. Vol. 23. No. 3. P. 321–340.

Laruelle M., Royce D. Kazakhstani public opinion of the United States and Russia: testing variables of (un)favourability. *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38. No. 2. P. 197–216.

Lashuk I.V. Sotsial'nyj komponent istoricheskoy pamyati o Velikoj Otechestvennoj vojne v obshchestvennom soznanii zhitelej Belarusi: pokolencheskie razlichiya [Social component of historical memory of the Great Patriotic War in the worldview of residents of Byelorussia: generational gaps]. *Sotsiologicheskij al'manakh* [Sociological almanac]. 2015. Vol. 5. P. 210–220. (In Russ.)

Itogi natsional'noj perepisi Respubliki Kazakhstan 2009 g. Analiticheskij otchet [Results of the national population census of Kazakhstan 2009. Analytical report]. Astana: State Statistical Committee, 2011. 65 p. (In Russ.)

Shkurenko O., Egupec A. Chto Rossiya i Kazakhstan znachat drug dlya druga? [Russia and Kazakhstan: what do they mean to each other?] *Kommersant*. 2019. March 20. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3917333?from=main_spec (date of access: 12.05.2019). (In Russ.)

Tishkov V.A., Barash R.E., Stepanov V.V. Identichnost' i zhiznennye strategii studenchestva v Rossii [Identities and life strategies of students in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2017. No. 8. P. 81–87. (In Russ.)

Touristicheskie potoki mezhdru Rossiej i Kazakhstanom v 2017 godu [Tourist flows between Russia and Kazakhstan in 2017]. *Vesti. Ekonomika* [News. Economics]. 2018. 13 November. URL: <https://www.vestifinance.ru/infographics/11561> (Date of access: 10.08.2019.) (In Russ.)

Zangieva I.K., Suleymanova A.N. Studenty iz stran SNG v Rossii: predposylki k migratsii [Students from the CIS countries in Russia: prerequisites for migration]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social change]. 2016. No. 5. P. 127–146.